

Снялось целых 15 очков, прежде чем падение прекратилось. К счастью, оставшихся 85 очков хватало, чтобы седьмой принц не превратился в пухляша тёмной стороны. Лу Цзыяо оглянулся: дворец Цинцун остался далеко позади. Он вышел из зоны восприятия маленького пухляша. С этим жутким малышом Лун Аотянем после открытия каналов Жэнь и Ду стало сноравливаться ещё тяжелее. А ведь если в будущем какой-нибудь мастер передаст ему высшие техники, это же просто катастрофа!

На следующий день, как и планировалось, Лу Цзыяо всё же покинул столицу вместе с обозом наследного принца. На борту зернового судна, шедшего в Чжэцзян, Лу Цзыяо вновь услышал оповещение системы: «Чувство безопасности маленького пухляша: -1». Ну почему показатели падают даже на таком расстоянии? Лу Цзыяо сокрушённо зажмурился. Вот уж беспокойный малец!

На этот раз вместе с наследным принцем из столицы выехали второй принц, третий принц и шестой принц. Наследный принц и третий принц в детстве не раз сопровождали Императора в поездках по стране, поэтому видами по пути их было не удивить. Второй принц, отсидевший дома двадцать лет, вообще не интересовался ничем за пределами своей обители для самосовершенствования и всю дорогу сохранял невозмутимость. Так что самым взволнованным оказался шестой принц.

По обоим берегам канала собирались толпы крестьян, разглядывавших величественные государственные баржи с зерном. Шестой принц тоже с любопытством стоял на носу корабля, переглядываясь с крестьянами издали.

— Почему все они так скромно одеты? — спросил шестой принц у Лу Цзыяо. — Это крестьяне из пострадавших от бедствия уездов?

Лу Цзыяо не знал, смеяться ему или плакать: они ведь уже добрались до земель Шаньдуна, разве могли здешние крестьяне одеваться так же, как жители столицы? К тому же эти земледельцы носили хоть и неяркие, но прочные пеньковые одежды без единой заплатки, что говорило о вполне терпимой жизни. Лу Цзыяо сперва хотел честно объяснить, что так выглядят обычные будни простого народа, но, взглянув на юное лицо шестого принца, исполненное заботы о государстве и подданных, не решился разрушить его представления о процветающей стране. Пришлось умаслить его:

— Этим крестьянам днём нужно работать в поле. Если надеть шелка да парчу, не успеешь оглянуться, как всё вымажешь грязью или порвёшь. Жалко ведь хорошую ткань. Куда удобнее ходить в холщовой одежде.

— Так вот оно что! — шестой принц снова повеселел.

В эпоху, когда обмен информацией был затруднён, неопытного юного маленького принца обмануть не составляло никакого труда.

Наследный принц со своей свитой планировал закупать зерно в Чжэцзяне, поскольку цены в Цзиньлине были немного выше, чем в Ханчжоу. Однако Лу Цзыяо и сопровождавшие их евнухи-закупщики убедили наследного принца сначала сравнить цены в разных местах, поэтому зерновые корабли причалили к берегу Цзиньлина.

Обычаи и нравы Цзяннани значительно отличались от северных. Утончённые изящные поэты, грациозные красавицы... Жизнь в Цзиньлине, казалось, текла на такт медленнее, чем в столице, и повсюду веяло безмятежной ленью. Из ресторанов и харчевен, теснившихся по обеим сторонам реки Циньхуай, то и дело доносились звуки пипы и гуциня, сопровождавшие

меланхоличные песнопения женщин. У третьего принца при виде этого даже глаза округлились. Он заявил, что задержится в Цзиньлине на несколько дней, чтобы обсудить цены с местными торговцами зерном. Вот только, сойдя с корабля, он тут же отправился «обсуждать цены» в самый знаменитый публичный дом.

Наследный принц отправил евнухов-закупщиков вместе с Лу Цзыяо в зерновые лавки, чтобы разузнать обстановку, а шестой принц с большим воодушевлением вызвался пойти с ними. Лу Цзыяо впервые после перерождения ступил на родную землю Цзиньлина — свой родной Нанкин из прошлой жизни. Пейзажи родного края разительно отличались от его эпохи: вокруг простиралось чистое голубое небо без единой пылинки, кристально прозрачные воды, старинные изящные лавки и заведения, и нигде не было привычных высоток. Местный говор звучал всё так же тепло и родственно. По мнению Лу Цзыяо, нанкинский диалект был не так уж сложен для понимания, во всяком случае, не сравним с диалектами Сучжоу или Чжэцзяна, звучавшими словно чужой язык.

Кто бы мог подумать, что шестой принц вообще ничего не поймёт и всю дорогу будет с любопытством расспрашивать его, о чём говорят люди вокруг. Евнух из ведомства закупок был коренным жителем столицы. Из-за долгих лет службы он натерпелся общения с местными торговцами, поэтому понимал цзиньлинский диалект, пусть сам на нём и не говорил. От всего этого у Лу Цзыяо разболелась голова. Если он приведёт целую ораву столичных господ торговаться с цзиньлинскими зерноторговцами, да ещё и шестой принц будет время от времени с любопытством переспрашивать: «А что говорит тот хозяин?», мошенники мигом обведут их вокруг пальца. Даже если удастся стряхнуть с них пару монет через конкуренцию, изначальная цена окажется завышенной, и на уговоры уйдёт слишком много времени. А Лу Цзыяо не мог себе этого позволить. Показатель чувства безопасности маленького пухляша висел в его голове словно часовой механизм, то и дело взрываясь оповещениями — того и гляди рухнет камнем вниз. Ему нужно было действовать быстро: закончить с делами и скорее вернуться в столицу, чтобы ухаживать за этим маленьким трусливым пухляшом Лун Аотянем, лишённым чувства безопасности.

Немного подумав, Лу Цзыяо улыбнулся шестому принцу:

— Ваше высочество впервые в Цзиньлине. Не лучше ли вам сначала отправиться в ресторан, заказать представление и насладиться очарованием реки Циньхуай? А дела мы обсудим с евнухом Лю.

Шестой принц был полон амбиций, и ему, конечно, было не до развлечений, но затем он подумал о том, что он молод и неопытен и может помешать переговорам. Он догадался, что Лу Цзыяо, скорее всего, просто вежливо просит его не вмешиваться в торговлю. Воодушевление шестого принца мигом угасло, однако он понимал, что у него действительно нет опыта и он может сорвать важное дело. Поэтому он почесал затылок, вскинул брови и с улыбкой произнёс:

— Вот и отлично, я как раз хотел заглянуть в ресторан! Так что все дела оставляю на тебя, а сам немного поленюсь и посмотрю представление. И смотри, не рассказывай старшему брату!

Лу Цзыяо чутко уловил, как выражение лица шестого принца сменилось от радостного восторга к разочарованию, а затем к наигранной весёлости, и почувствовал укол вины. Лу Цзыяо был совершенно не похож на того толстокожего маленького пухляша. Если отослать его под предлогом в такой момент, он наверняка догадается о причине и подумает, что Лу Цзыяо считает его помехой. Но отказываться от своих слов было поздно, поэтому Лу Цзыяо выделил отряд переодетых стражников сопровождать шестого принца на ярмарке, а сам вместе с бывальными евнухами-закупщиками направился на «поле боя».

Прежде чем отправиться в крупные зерновые компании, группа сначала заглянула в небольшие лавки на рынке, чтобы разузнать рыночные цены. Высокосортный рис в розницу продавали по девятьсот монет за дань, средний — около шестисот пятидесяти монет, а низкосортный — от четырёхсот до пятисот монет. Был ещё и негодный старый рис с жучками, который отдавали почти даром. При покупке более десяти даней среднего риса давали один дань негодного в подарок — его можно было использовать на корм скоту и птице.

На этот раз наследному принцу требовалось закупить полтора миллиона даней зерна. Лу Цзыяо планировал купить рис среднего качества по цене низкосортного. Если сбить цену до такого уровня не удастся, он рассчитывал смешать средний и низший сорта в определённой пропорции. В конце концов, жителям пострадавших уездов было не до привередливости к качеству риса — главное, не умереть с голоду, поэтому объём зерна стоял на первом месте.

Ещё на корабле Лу Цзыяо разузнал численность населения в пострадавших от бедствия уездах. Проведя несколько расчётов на черновике, он решил закупать средний рис по цене в пятьсот монет. Этого количества с лихвой хватило бы жителям бедствующих районов на полтора года неурожая — на целых четыреста тысяч даней больше, чем удалось приобрести наследному принцу в оригинальной истории.

С этой целью Лу Цзыяо первым делом навестил третью по величине зерновую лавку Цзиньлина, намереваясь сначала потренироваться в красноречии, а уже потом вести переговоры с крупнейшим торговцем. Обычно перед заключением крупных сделок обращались к местным посредникам. Посредник получал процент от суммы сделки, поэтому охотно принимал сторону купца и защищал чужаков от корыстных дельцов. Однако сделка наследного принца была настолько огромной, что комиссионные посреднику составили бы целое состояние. Посчитав, что евнухи-закупщики и без того обладают необходимым опытом, Лу Цзыяо решил обойтись без посредника и по принципу «молодому отваги не занимать» действовать самостоятельно.

Стоило им войти в зерновую лавку, как к ним тут же с расплывшейся в улыбке физиономией подскочил приказчик. Лу Цзыяо только собрался заговорить, как бывалый евнух Лю с суровым видом велел работнику:

— Наш хозяин намеревается заключить с вашей лавкой крупную сделку. Позови-ка своего хозяина.

Приказчик, струхнув перед властным видом евнуха Лю, услужливо закланялся:

— Нашего господина нет в лавке, но я сейчас же приведу управляющего!

— Хм-м... — без малейшего выражения на лице протянул евнух Лю.

Лу Цзыяо даже восхитился внушительностью этого толстого евнуха. Всё-таки старый опытный закупщик — какая выправка, какой чистый столичный выговор, ни малейшей нерешительности чужака! Он держался так, будто сам был здесь хозяином. В переговорах иногда требовалось напустить на себя важности: скромность и благородные манеры подходили далеко не для всех ситуаций.

Управляющий зерновой лавкой вскоре спустился в главный зал на первом этаже и пригласил всех присесть. Услышав столичный говор гостей, он сразу догадался, что дело пахнет крупным кушем — иначе торговцы не стали бы проделывать столь дальний путь.

<http://bllate.org/book/18379/1766982>